

Андрей Волк-Белый

«Хроники Волка: Кровь»

вторая часть трилогии

Андрей Волк-Белый

Хроники Волка: Кровь

Серия «Хроники Волка», книга 2

<https://litres.ru/73294053>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семь лет прошло с финала «Начала». Мир успел забыть ужас войны, но забытое не значит прощённое — долги Равновесия всегда находят тех, кто однажды его нарушил.

Андрей и Лея уже не подростки, бросающие вызов судьбе. Теперь они — родители, и на весах не идеалы, а жизнь тех, ради кого стоит удержать хрупкий мир. Но удержать не всегда возможно — иногда за равновесие приходится платить.

«Кровь» — вторая часть «Хроник Волка», история о взрослении героев, о войне, что меняет лицо, когда у тебя есть дети, и о героизме, который проявляется не в подвигах, а в молчании и выборе между правильным и спасительным.

Мир расширяется: на сцену выходят новое поколение и выжившие лидеры павшей Империи — те, чья сила не в знамёнах, а в ожидании. И среди них — генерал Корвин, которому судьба даст шанс стать тем, кем он быть не планировал: хранителем будущего в мире, где настала пора платить по старым долгам.

//Чтобы понимать, о чём идёт речь в книге, необходимо прочитать первую часть трилогии.//

Содержание

Несколько слов от автора	5
Глава 1. Процесс запущен	9
Глава 2. Новая война	21
Глава 3. Кирилл слышит «тишину»	39
Глава 4. Механическая улыбка	52
Глава 5. Пульс энергии	66

Андрей Волк-Белый

Хроники Волка: Кровь

Несколько слов от автора

25 января 2026 года была опубликована первая часть трилогии — «Хроники Волка: Начало», и сейчас я открываю работу над продолжением — «Хроники Волка: Кровь». Если в первой книге герои учились выживать, выбирать сторону и удерживать хрупкую нить Равновесия, то во второй им предстоит понять куда более страшную истину: иногда Равновесие не удерживают — за него платят.

С момента финала «Начала» прошло семь лет. Семь лет — срок, за который стираются следы войн, зарастают шрамы, а люди привыкают к мысли, что самое страшное уже позади. Но мир, в котором однажды дрогнули весы, не забывает: он просто копит долг — и приходит за ним в тот момент, когда у тебя наконец появляется, что терять.

Андрей и Лея больше не подростки, которые могут позволить себе бросить вызов судьбе из одной только ярости и надежды. Теперь они — молодые родители, и их дом наполнен не только воспоминаниями и клятвами, но и детским дыханием, маленькими ладонями, тихими ночами, где любой шорох звучит громче колокола. И как будто этого мало —

в семье ожидается ещё прибавление, а значит, на карту поставлено не будущее «когда-нибудь», а будущее, у которого уже есть имена и глаза.

«Кровь» — это история о том, как меняется война, когда ты перестаёшь быть один. О том, как меняются решения, когда за спиной не только друзья и идеалы, но и дети. О том, что героизм в зрелости редко выглядит как подвиг на площади, чаще он выглядит как молчание, как выдержка, как тяжёлый выбор между правильным и спасительным.

Во второй части завершатся некоторые сюжетные линии, начатые в «Начале». Но закрытые двери неизбежно откроют новые — и те, что распахнутся здесь, уже ведут к третьей, заключительной книге — «Хроники Волка: Наследие». Потому что нельзя долго держать мир на острие ножа, рано или поздно рука дрогнет — и лезвие потребует расплаты.

«Кровь» охватит большой промежуток времени и расширит фокус: эта история будет принадлежать не только Андрею и Лее, но и их детям, а также двум оставшимся лидерам погибшей Империи. В первой части Империя рухнула — но падение державы не означает смерти её воли, её памяти и её людей, которые умеют ждать. Иногда самая опасная власть — не та, что марширует под знамёнами, а та, что пережила поражение и научилась жить без аплодисментов.

И да, мы вновь встретимся с Константином Корвиным — бывшим генералом, которому судьба (а может, и чья-то очень упрямая воля) даст шанс стать тем, кем он, возможно,

никогда не планировал быть — «дедушкой». Как думаете, хороший дедушка получится из человека, который привык отдавать приказы и смотреть на мир через прицел необходимости? Я могу сказать лишь одно: шанс у него будет — и этот шанс окажется испытанием не меньшим, чем любая битва.

Мне важно, чтобы вы знали: эта книга будет писаться у вас на глазах. Ориентировочный срок выхода — октябрь 2026 года, а черновик будет обновляться по мере написания глав, иногда между обновлениями пройдёт пара дней, иногда — почти месяц, но новые главы точно будут появляться не реже раза в месяц. «Хроники Волка» — история, которая дышит в процессе создания, и мне хочется, чтобы вы слышали её шаги: как рождаются сцены, как сплетаются линии, как персонажи упрямо сопротивляются планам и становятся живыми.

Если первая часть вам понравилась — оставайтесь. В «Крови» будет больше времени, больше ставок, больше теней и больше света, который приходится защищать не словами, а делами. И будет то, ради чего вообще стоит открывать продолжение — ощущение, что знакомые герои выросли — но мир вокруг них стал ещё честнее в своей жестокости, а значит, и их любовь, их выбор, их верность Равновесию будут проверяться не «возможным», а неизбежным.

Добро пожаловать во вторую часть. Здесь уже недостаточно выжить — нужно сохранить себя и не дать будущему стать чьей-то добычей.

Мой личный ТГ [@andrew_fenrir](https://t.me/andrew_fenrir)

К общению приглашаются книгоиздатели, литературные агенты и продюсеры, спонсоры и инвесторы (в маркетинг книг или создание игры, фильма или аниме по книге), представители киноиндустрии и gamedev (для заказа адаптации книги в сценарий), творческие личности и просто хорошие люди, которым понравился мой роман.

Глава 1. Процесс запущен

Дома было тепло и уютно в этот зимний морозный день. Иногда Лее казалось, что дом умел накапливать тепло летних дней, сохранять его и делиться в такие морозные дни, как сегодня. В печи весело потрескивали дрова. Кухня была наполнена запахом хлеба, который она испекла утром. Этот бодрящий запах смешивался с травяным настоем и чем-то необъяснимо нежным, детским, неуловимо сладким. Лея любила такое ощущение, будто жизнь наконец-то перестала быть дорогой и превратилась в родное место.

Она стояла у стола и разливала по кружкам подогретую родниковую воду, настоянную на летних травах. На рукаве её платья виднелась тонкая полоска муки. Лея заметила её и машинально смахнула, но мука лишь размазалась белым пятном. Она усмехнулась: «хочешь сделать что-то аккуратно, а получается по-человечески». Вот оно, домашнее уютное счастье, которое принесло с собой Равновесие.

— Мам, — Дима, не отрываясь, смотрел на деревянный волчок, который сделал ему Андрей. Волчок крутился на столе, чуть дрожа на неровностях, как живой. — А если закрутить сильнее, он дольше будет вращаться?

— Да, сынок, дольше, — ответила Лея. — Но если закрутишь его слишком сильно, он начнёт шататься.

— Почему?

Она хотела сказать: «Потому что так устроен мир», но вместо этого подошла к Диме ближе и наклонилась, чтобы увидеть, как сын раскручивает тонкую ось.

— Потому что всё должно быть в меру, — сказала она. — Раскрутишь слишком сильно, и он потеряет равновесие.

Дима поднял на неё глаза — серые, в которых мигал тот же упрямый огонёк, что и в глазах Андрея. Но в глазах сына было ещё что-то другое — жажда понять, как всё работает, и тихая, почти взрослая насторожённость. Казалось, что этот мальчик не просто играет, а проверяет какие-то правила...

Следующей весной Диме исполнится семь лет. Кириллу, второму сыну, неделю назад исполнилось три года. И на подходе ещё один ребёнок, как сказали маги, девочка. Имя уже выбрали – Анна.

Несмотря на некоторого рода опасения, которые испытывала Лея, все дети оказались людьми. Своей судьбы полукровки, при всём преимуществе возможного существования в двух обликах, она для своих детей не хотела.

Кирилл сидел на полу у печи, прижимая к груди тряпичную игрушку – волка. Он был тихим и, когда молчал, казался совсем маленьким. Но родители давно заметили – Кирилл молчит не потому, что ему нечего сказать, он молчит, потому что внимательно слушает. Иногда такая внимательность даже пугала.

— Кирилл, — мягко позвала Лея. — Иди за стол.

Малыш поднял голову и посмотрел на маму. Взгляд был ясный, но... В нём чувствовалось, что за внимательным детским взглядом скрывается что-то слишком взрослое.

— Он снова... — прошептал Кирилл и замолчал, будто следующее слово было для него слишком тяжёлым.

Лея замерла. Беременность делала её более внимательной к мелочам — к запахам, к звукам, к тому, как меняется воздух в комнате, к недосказанным словам. Иногда ей казалось, что магия реагирует на её состояние — собирается вокруг неё, словно пытаясь защитить новую жизнь, или, наоборот, отступает, чтобы не тревожить.

— Кто «он»? — спросила она.

Кирилл пожал плечами, простое детское движение, которое почему-то выглядело чужим. И снова прижал к груди волка.

— Тихо стало, — сказал он.

— Так в печи же шумит, откуда тихо? — фыркнул Дима.

— Нет, не так, — Кирилл нахмурил своё детское лицо, будто Дима сказал что-то глупое. — Не здесь тихо. А везде.

Лея почувствовала, как по спине прошёл холодок. Она знала, что дети иногда говорят странности — фантазируют, придумывают невидимых друзей, просто дурачатся. Но сейчас Кирилл говорил не так. Он не придумывал.

Она поставила кружки на стол и, стараясь не торопиться, подошла к окну. Снаружи лежал снег. Деревья стояли не ше-

лохнувшись, ветра не было. Ничего необычного. И всё же...

Воздух снаружи казался плотным. Не тяжёлым, нет – скорее просто затвердевшим, застывшим. Как гладкая поверхность воды подо льдом, в которой не видно течения. Лея прижала ладонь к стеклу – обычное холодное, но под пальцами прошла мелкая, едва различимая дрожь.

Магия мира была живой – она текла, шептала, переключалась с камнями и деревьями, с водой и огнём, с людьми и животными, которые могли слышать. Она была как дыхание – на него не обращаешь внимания, пока нетрудно сделать вдох, пока есть чем дышать.

Сейчас было нетрудно. Сейчас было... слишком легко. Как будто кто-то убрал всё постороннее, все шумы, все случайности, все отклонения. Как будто мир на мгновение стал идеальным и... застывшим в этом идеале.

И это пугало...

— Дима, — сказала Лея, не оборачиваясь. — Не крути больше.

— Почему? — в голосе сына мгновенно прорезалась обида.

— Просто... не надо.

Она услышала, как волчок дрогнул и остановился. Дима вздохнул так тяжело, будто на его плечи положили мешок с камнями.

— Ты всегда говоришь «не надо», — буркнул он.

Лея хотела ответить, но в этот момент что-то произошло. Что-то неясное накрыло весь мир. Свеча на подоконнике, маленькая, оставляемая «на всякий случай», моргнула, её пламя вытянулось в тонкую нитку и вдруг погасло. Без какой-либо причины.

Лея резко вздохнула, сердце на мгновение остановилось, потом ударило сильнее.

— Мам? — Дима, не отрываясь, смотрел на погасшую свечу.

— Вот. — тихо сказал Кирилл, посмотрев на маму. — Тишина.

Лея протянула руку и пощупала фитиль свечи – он был холодным. Её пальцы чуть дрожали. Она взяла с полки огниво и попробовала зажечь свечу – искра вспыхнула, но пламя не взялось. Ещё раз – и тот же результат.

«Но ведь так не бывает! Огонь – это ведь просто! Он всегда откликается, даже если спокойствие магии нарушается!» — мысли стремительно неслись в голове Леи. Она закрыла глаза и попыталась сделать то, чему Андрей учил её все эти годы – услышать, почувствовать поток Равновесия, найти его. Это было непросто, требовалось подстроиться под Равновесие, настроить себя, как скрипач настраивает свою скрипку. Лея потянулась внутрь своих ощущений, туда, где мир всегда отвечал шёпотом.

Но вместо мирного, успокаивающего шёпота услышала пустоту... Хотя по ощущениям это было больше похоже на

глухую стену. Как если бы она стучала в дверь, а за ней кто-то повесил толстое одеяло. Звук хоть и есть, но он не проходит.

Лея открыла глаза. Стараясь говорить спокойно, чтобы дети не испугались, чтобы не почувствовали то, что чувствует она.

— Дима, иди к Кириллу, посиди с ним.

— Он уже не маленький! И я тоже!

— Я знаю. Но сделай так, как я велю. Пожалуйста.

Дима посмотрел на неё – в нём не было детской обиды, но появилось подозрение. Затем кивнул, подошёл к Кириллу и сел рядом, обняв младшего брата за плечи. Кирилл не отстранился, как это обычно бывало. Он даже чуть плотнее прижался к Диме.

В комнате будто стало темнее, хотя света не убавилось. И всё же, потухшее живое пламя свечи ощущалось как отсутствие чего-то важного. Лея поставила свечу на прежнее место, потом подошла к двери, приоткрыла её и вышла наружу. Снег лежал ровно, новых следов на нём не было. Но вот звук... был странным. Точнее, его почти не было. Снег не скрипел под ногами. Не шуршали ветки деревьев. Даже соседский пёс не заливался лаем, хотя он никогда не упускал возможность напомнить о себе, стоило лишь Лее показаться на улице.

Она медленно оглядела двор и улицу, обошла вокруг дома. Вернувшись на крыльцо, она заметила, что доски не скрипнули. Лея медленно подняла глаза к небу – ничего

необычного.

И вдруг, как будто что-то щёлкнуло внутри неё. Не мысль, а просто ощущение. Как мигрень, которая ещё не началась, но уже сообщает о себе.

Где-то далеко, за холмами и лесами, за покинутыми равнинами, на которых теперь обычные люди учились сеять и выращивать хлеб, что-то включилось... Не магия. Не проклятие. Не призраки. Это было чем-то иным, холодным, металлическим. Продуктом гениальной инженерной мысли.

Лея вернулась в дом и заперла дверь. Внутри было тепло и уютно, дети рядом, всё, как и должно было быть. Но дом больше не казался крепостью. Он стал островком, вокруг которого поднялась вода и на который надвигается цунами.

Она подошла к столу, взяла кружку и отпила. Этот настой всегда успокаивал нервы.

— Мам, — тихо сказал Дима. — Ты боишься?

Лея посмотрела на сына. И в этот момент увидела, как он за секунду повзрослел. Не потому, что понял или узнал что-то. А потому, что почувствовал рядом страх взрослого.

Лея опустила руку на табурет. Положила руку на живот, неосознанно, в попытке защитить новую жизнь. И ясно представила – мир, выровненный и идеальный, который дедушка её детей когда-то пытался построить, не сможет дать место её дочери.

— Немножко боюсь, — честно сказала она. — Но страх

— это не конец. Это просто усиление внимания.

Дима нахмурился, пытаясь понять. Кирилл по-прежнему держал волка, а взгляд его был направлен куда-то мимо стены, будто он видел не то, что видят другие.

— Папа скоро вернётся? — спросил Дима.

Андрей ушёл рано утром, к реке. Нужно было что-то решать по ловле рыбы. Работа в совете отнимала много времени, но он всё равно старался большую часть своего времени посвящать семье.

— Да, папа скоро вернётся. Не переживай, сынок. — Лея постаралась улыбнуться, но почувствовала, что ей это не удалось.

Она встала и начала делать то, что делала всегда, когда тревога грозила съесть её изнутри — заняла руки делом. Переложила хлеб, собрала со стола крошки. Подкинула дрова в печь. Огонь в печи вспыхнул, там он был живой. Дея смотрела на пламя, как на старого друга, который может скоро уйти.

И вновь попробовала почувствовать поток Равновесия... Пустота. Стена. Тишина.

Лея подошла к полке, на которой лежали мелкие магические вещи — не амулеты для войны, не оружие, а то, что осталось от старого мира: кусочек камня, который хранил в себе силу древних; нитка с узелками, которая помогала успокаивать мысли; тонкая серебряная пластина с гравировкой, подаренная когда-то Арданом. Она взяла пластину. Пальцы

почувствовали только холод металла.

Эта пластина помогала чувствовать потоки силы, и она всегда была тёплой. Но сейчас это был просто кусок холодного металла. Это было просто оскорбительным, будто миру приказали: «Молчать!».

— Дима, — сказала она. — Помоги мне. Принеси... ту свечу из шкафа. Большую.

— Зачем?

— Просто принеси, — в голосе Леи прорезались стальные нотки.

Он вскочил, подбежал к шкафу и начал искать. Кирилл поднялся следом, как тень. Дети суетились, в этом было что-то спасительное — жизнь не сдавалась, она продолжала делать своё дело, даже когда мир менялся.

Пока Дима доставал свечу с верхней полки, Лея подошла к окну. Она смотрела на снег, на деревья, на небо. И вдруг увидела человека, идущего в дальнем конце улицы.

Человек шёл медленно, но уверенно и ровно. Не спешил. Не оглядывался. Плечи были расправлены, шаг размеренный.

Сосед? Нет, Лея знала всех жителей общины. Чужак? Сюда чужаки заходили редко, а за последние три года так вообще ни одного не было. И они всегда шли, опасаясь, оглядываясь по сторонам. А этот шёл так, как будто всё тут принадлежало ему.

Лея прищурилась. Человек дошёл до их дома и остановился. Лицо у него было спокойное, слишком спокойное. Он механически развернулся, словно выполнял математическую задачу, и посмотрел в окно, на Лею.

И улыбнулся.

Улыбка была... правильная. Ровная. Такую нарисует художник, который никогда не видел человеческого лица. На лице не было ни морщинок, ни тепла, ни правды.

Лея отступила от окна на несколько шагов.

— Мам, — Дима подошёл с большой свечой в руках. — Вот.

Лея взяла свечу, но взгляд её метался между окном и дверью. Она услышала, как незнакомец поднялся на крыльцо. Доски не скрипнули. Были слышны только шаги.

Тук-тук-тук.

Три ровных удара. Как по инструкции.

Лея тяжело вздохнула, внутри что-то затвердело.

— Дима, — тихо сказала она. — Возьми Кирилла и идите в комнату. Закройтесь и сидите тихо.

— Но...

— Сейчас же!

Диме хотелось спорить – Лея видела это по его лицу. Но в голосе матери было то, что никогда не обсуждалось ни детьми, ни отцом. Дима съёжился под её взглядом и взял Кирилла за руку. Кирилл пошёл молча. Волка он ещё сильнее прижал к груди, как что-то очень ценное, как то, что может

защитить, но и само нуждается в защите.

«Всё же у меня хорошие дети», — улыбнулась про себя Лея.

Тук-тук-тук.

Те же три удара в дверь, не громче и не тише. Абсолютно одинаковые.

Лея подошла к двери, всё ещё держа в руке большую свечу. Положила ладонь на дверь — дерево было тёплым, дом хранил тепло и поддерживал. Она попыталась почувствовать, есть ли снаружи магия — хоть что-то, на что можно было бы опереться.

Всё та же пустота.

— Кто там? — спросила она.

Пауза. Слишком ровная для живого человека.

— Проверка, — ответил голос, спокойный, без интонаций. — Откройте.

Лея почувствовала, как в животе шевельнулась Анна. Или ей это показалось? Но в этом движении новой жизни было что-то, что вернуло её в себя. Живая жизнь внутри. Против ровного голоса снаружи.

— У нас не бывает проверок, — спокойно ответила Лея.

— Уходите из нашей общины.

Снова пауза.

— Откройте, — вновь прозвучал голос. — Это для вашего блага.

Лея закрыла глаза. «Для вашего блага». Слова, от которых

пахнет чужой властью и пролитыми реками крови.

— Возвращайся, откуда пришёл, — голос Леи наполнился сталью.

За дверью стало тихо. Совсем тихо. Потом раздался лёгкий звенящий звук, который бывает, если к дереву приложить что-то металлическое.

Лея отступила на шаг. И в этот момент, где-то далеко под полом, под землёй, прошёл слабый, едва различимый импульс. Не магический – это было электричество, которое проснулось после долгого сна.

Лея поняла – всё опять начинается...

И пока она стояла, замерев, снаружи, в мире, лишённом ветра и живых звуков, человек сказал, уже чуть иначе, как машина:

— Питание подано. Процесс запущен.

Лея сжала свечу, будто хотела удержать с её помощью весь дом, семью, общину, весь мир.

Глава 2. Новая война

Андрей возвращался домой привычной дорогой, по которой ходил уже тысячу раз. Он верил, что это – часть самого настоящего счастья, когда дорога знакома до мелочей, когда снег под сапогами хрустит, когда ты знаешь, где под корягой выступает лёд, а где дорога вильнёт, обходя старую осину. Когда ты можешь вернуться домой из любой точки пространства с закрытыми глазами. Такое счастье было простым, почти стыдным после всего, что ему довелось пережить. Но именно таким счастьем ему всегда и представлялось – простым, не требующим усилий для поддержания.

Он нёс на плече две доски, перевязанные верёвкой. Один старик из общины просил помочь отремонтировать старый сарай, и Андрей захватил с собой лишних досок – на всякий случай. Это «на всякий случай» за последние годы стало неотъемлемой частью жизни. В другой руке – мешок с рыбой из сетей. Немного, но на уху для всей семьи хватит. Дима будет крутиться рядом и спрашивать, почему у рыбы глаза стеклянные, Кирилл будет молчать и смотреть, как рыбу готовят, но взгляд его опять будет проникающим куда-то вглубь, Лея опять будет ворчать, что Андрей принёс с собой холод в дом, и тут же поставит котёл для ухи.

Он уже улыбался этой картине мирной семейной жизни, нового вечера, в котором будет всё стабильно и хорошо, ко-

гда вдруг заметил – снег не скрипит под ногами.

Сначала Андрей подумал, что просто устал. Потом остановился, постоял, потопавав вокруг себя по снегу, прислушался. Тишина. Звук исчез, как будто его кто-то приглушил толстым одеялом. И такая тишина пугала – она была плоской, ровной. Механической. *[Что тут происходит?]*

Андрей медленно выдохнул, перехватил доски удобнее и быстрым шагом направился к дому. Почти вбежав на улицу, он увидел свой дом. Вроде бы было всё в порядке, но... На крыльце стоял незнакомый человек.

Незнакомец стоял прямо, не шевелился, не переминался с ноги на ногу, не грел руки, не прятал подбородок в воротник. И, что хуже всего, Андрей не мог понять, откуда тот пришёл – следов, ведущих к дому не было. А после ночного снегопада их просто не могло не быть...

[ФАК! Кто это?! Только бы Лея и дети были в порядке!]

Доски на плече внезапно показались Андрею слишком тяжёлыми, бесполезными. Он сбросил их с плеча, взял левой рукой мешок с рыбой, а правой нащупал под курткой нож. Нож он всегда носил с собой, не для войны или защиты, а для разделки рыбы и дичи. Но сейчас он собирался использовать его как оружие для охраны своего дома и семьи. Мир диктовал такие условия.

Человек повернул голову, посмотрел на приближающегося Андрея. Движения незнакомца были плавными, почти красивыми. Он улыбнулся своей неправильной улыбкой. Ан-

дрей сделал ещё несколько шагов, и человек сказал:

— Процедура началась.

Голос был спокойный, без эмоций. Андрей уже слышал такие голоса в своём детстве, по его телу пробежала мелкая дрожь.

— Какая процедура? — Андрей спросил тихо, удобнее перехватив рукоять ножа и крепко сжав её.

Человек не ответил, он просто смотрел вперёд, на Андрея, и продолжал улыбаться.

Лея могла быть мягкой, могла смеяться и плакать, могла устать и тогда злилась, но когда речь заходила о защите семьи — она становилась стальной, беспощадным хищником. Андрей надеялся, что Лея дома, с детьми. Он не ускорил шаг, не стал бросаться. Андрей подходил спокойно, как хищник, который не хочет спугнуть жертву. Чем ближе — тем явственнее он чувствовал странное давление в воздухе, как будто пространство стало плотнее и любое движение в нём становилось труднее. Но он не чувствовал в этом проявления магии.

— Отойди от дома, — сказал сквозь зубы Андрей. — Сейчас же!

Человек моргнул. Медленно. Один раз.

— Вы препятствуете, — произнёс он.

— Да, я препятствую. [*Хоть и не понимаю чему*], — согласился Андрей и поднял руку с ножом. — Уходи отсюда немедленно!

Он уже стоял в трёх шагах от крыльца и внимательно раз-

глядывал незнакомца. Лицо у него было обычным, черты, которые забываются через мгновение. Одежда – тоже обычная, но очень чистая, ни пылинки, ни следов пути по снегу – будто его только что вынули из ящика и поставили сразу на крыльцо.

— Это для вашего блага, — сказал человек тем же голосом.

Дверь дома приоткрылась, на пороге появилась Лея, проверить, что происходит снаружи. В руках она держала большую свечу. Она встретилась взглядом с Андреем. Ни слов, ни жестов. Но Андрей прочитал в её взгляде всё, что нужно, чтобы не волноваться о домашних: «Дети закрылись в комнате. Он пытался войти. Говорил про питание. Магия сильно приглушена».

Андрей слегка кивнул.

Человек вновь повернулся к Лее. Улыбка на его лице возникла снова.

— Отойдите, — сказал он своим неживым голосом.

Андрей шагнул вперёд так резко, что воздух, казалось, хрустнул. Он схватил человека за ворот и с силой дёрнул на себя. Тот был неожиданно тяжёлым для своего тела, как мешок, наполненный железом. Но он не сопротивлялся, позволил себя сдвинуть, как какую-то вещь.

— Не смей на неё смотреть, — прошипел Андрей.

Человек повернул своё лицо к Андрею и посмотрел ему

в глаза. В них было... ничего. Ни страха, ни злости, ни жизни. Только пустое ожидание нового приказа. И тогда Андрей понял, что этого человека держат не силой или угрозой. Его держит в своей власти алгоритм.

Он ударил не кулаком, а ребром ладони по виску. Как учил когда-то Ардан. Человек качнулся, но не упал, только слегка изменил наклон головы. *[Вот же чёрт! А ведь этот удар поставлен на мгновенное убийство...]*

Лея раскрыла дверь, и Андрей услышал её голос – тихий, но содержащий в себе ту силу, которая заставляла подчиняться даже тех, кто не хотел.

— Андрей, в дом.

— Не открывай дверь шире. И вообще, спрячься и запришь, — резко сказал он, не смотря на Лею. — Я справлюсь.

Он вытолкнул незнакомца с крыльца, оттащил его на несколько шагов, чтобы тот не мог больше коснуться дома. И только потом отпустил. Человек сразу встал, выпрямился. Как механическая игрушка – ни одного движения, присущего живому человеку. Снег на его одежде не держался – соскользнул, будто ткань его отвергала.

Андрей вновь взял в руки нож. Лезвие блеснуло в луче солнца. В обычный день это выглядело бы смешно, но сегодня...

— Ты знаешь, что такое боль? — спросил Андрей.

— Отклонение, — ответил человек. — Нежелательное.

— А смерть?

Человек моргнул. Андрей успел заметить вспышку зелёного света внутри его глаз. Он видел такие когда-то, когда был ребёнком. Видел в глазах взрослых, у которых были импланты Гелиоса в глазах – они дополняли окружающий мир информацией. *[ФАК! Нет! Этого не может быть. НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ!]*

— Прекращение функционирования.

Андрей выдохнул. Крепче сжал рукоять ножа. Напряг мышцы, приготовившись атаковать.

— Кто тебя прислал?

— Система, — человек продолжал спокойно смотреть на Андрея.

— Какая система? — после короткой паузы спросил Андрей, хотя уже понимал, каким будет ответ.

Человек слегка наклонил голову и снова моргнул.

— Ты знаешь, — человек улыбнулся. — Гелиос.

Это слово ударило в грудь Андрея не звуком, а памятью. По телу прошла дрожь. Император... Технократы... Машины... Но ведь всё это было уничтожено вскоре после победы над Императором и его армией... Всё это должно было остаться там, далеко в прошлом, до того, как Андрей обрёл счастье с Леей. *[Неужели война меня не оставит? Неужели мне снова нужно стать зверем?]*

— Значит, Гелиос... — тихо сказал Андрей. — И что же он хочет?

— Устранение магии. Восстановление порядка. Исполне-

ние алгоритма.

В доме что-то стукнуло. Вероятно, дети услышали голоса на улице. Андрей собрал всю свою волю, чтобы не обернуться. Нельзя давать «пустым» видеть, что у тебя есть слабое место. Они не знают, что такое любовь. Для них это слабость и рычаг давления.

— Уходи немедленно, — глухо сказал Андрей.

— Невозможно. Задача не выполнена.

Андрей придвинулся вплотную и приставил нож к груди незнакомца.

— Тогда ты не уйдёшь вообще.

Человек немного опустил голову, взглянул на нож. Потом переместил взгляд на дом – на окно, за которым стояла Лея.

Андрей нанёс удар, но не в сердце, не в шею. Он ударил в плечо, в сустав, чтобы вывести руки из строя. Это не было ударом ярости, он хотел просто обезвредить врага, но не убивать его.

Лезвие вошло легко, как в масло. Крови не было. Вместо неё из разреза выступило что-то тёмное и густое, похожее на масло. Оно блеснуло и тут же стало вязким на морозе.

Человек не вскрикнул, не шелохнулся. Только произнёс, как констатацию факта.

— Повреждение. Коррекция функций.

Повреждённая рука, вопреки ожиданиям Андрея, не перестала функционировать – человек схватил её Андрея за запястье, крепко сжал и отвёл в сторону. Сила сжатия бы-

ла такая, что Андрей невольно выронил нож, тот со звоном ударился о корку снега. Андрей отшатнулся.

Лея стояла на пороге, держа свечу в руке. Она внимательно наблюдала за своим мужем и незнакомцем. Её лицо было сосредоточенным, даже злым. Но не на незнакомца или на Андрея, а на само мироздание, на то, что кто-то посмел нарушить мирную семейную жизнь. Она подняла свечу и произнесла слово, от которого воздух должен был дрогнуть.

Но ничего не произошло.

Лея замерла в нерешительности. Андрей понял, глушилка магии работает, и она уже рядом. В доме, в печи, ещё горел живой огонь, но магия... Она не просто заглохла, её сделали для них недоступной.

Человек улыбнулся.

— Подавление активно. Не сопротивляйтесь.

И сделал шаг к дому.

Андрей прыгнул вперёд и сбил его с ног, они упали в снежный сугроб. Андрей навалился сверху, прижал его и попытался перехватить руки – они были сильные, не человеческой силы, а механической. Человек не боролся яростно, не пытался вырваться. Он просто выполнял действия, снова и снова, как поршень в двигателе – тянулся к двери, стремясь попасть в дом. Андрей удерживал его, но чувствовал, что долго так не выдержит – его противник не уставал.

— Лея! — прохрипел Андрей. — Иди в дом, защити де-

тей!

— Они в комнате, в безопасности.

— Всё равно уходи! И закрой дверь!

Лея несколько секунд колебалась и не отрывала взгляд от мужа. Андрей знал этот её взгляд – желание помочь, быть рядом. Но Лея была не просто женой, она была матерью. И сейчас она сделала правильный выбор – вернулась домой и заперла дверь.

Человек вдруг перестал дёргаться и тянуться к дому. Он лежал спокойно, словно чего-то ждал. Андрей навис над ним, тяжело дыша.

— Вы не сможете сопротивляться вечно. Питание подано. Процесс запущен. Уровень подавления будет расти.

— Заткнись, — сквозь зубы произнёс Андрей.

— Сопротивление учтено, — сказал человек. — Коррекция будет применена.

Андрей ударил его лбом – резко. Собственная голова отозвалась болью, но человек даже не моргнул.

[Даже если я убью его здесь и сейчас – это не имеет смысла. Придут другие. Потом ещё и ещё. И так будет повторяться, пока этот чёртов Гелиос не решит, что его посланники выполнили процедуру и задача решена... Понять бы ещё, что именно он хочет делать... Нужно найти, где можно отключить питание. И полностью уничтожить то, где прячется Гелиос...]

Андрей понимал, что война, которую он начал девять лет

назад, сбежав из родительского дома, всё ещё продолжается. Только подход к ведению войны у Империи сменился. Они стали вежливыми, не кричат и не убивают сразу. Не превращают в жутких монстров. Хотя ещё не ясно, какой монстр страшнее – результат сращивания киборга, человека и дикого животного или вот такой вот человек, которому мозг заменили на имплант, управляемый бездушной программой.

Андрей поднялся, не отводя взгляда от лежащего врага, но тот сразу поднялся вслед за ним – легко и ровно, и снова без единой снежинки на одежде. На нем вообще не осталось ни одного следа борьбы. Маслянистая жидкость на плече загустилась и затянула рану твёрдой заплаткой.

— Передай Гелиосу, что он опоздал, — тихо сказал Андрей. — Ты ведь с ним на прямой связи?

— Время не существенно, — ответил человек. — Существенно только исполнение.

Андрей наклонился и поднял нож – лезвие было липким. Он вытер его о рукав, и тот тут же стал холодным, словно металл.

Человек направился к дому, сделал шаг.

И тогда Андрей сделал то, что делал всегда в экстренных ситуациях – отключил мозг и позволил телу действовать самостоятельно. Он развернулся и бросился к сараю. Но он не хотел прятаться – в сарае лежали верёвка, цепь и крюк, на который подвешивали туши животных, чтобы с них стекла кровь. Всё это можно было использовать, чтобы обезвредить

врага, лишит его подвижности.

Человек повернул голову, замер, будто считывал информацию и пытался понять, что будет дальше. Система приняла решение сначала устранить угрозу в лице Андрея. Поэтому человек развернулся и ровным шагом направился к сараю, где скрылся Андрей. Он не торопился, поскольку система знала – устают только живые.

Андрей влетел в сарай и закрыл за собой дверь. Внутри пахло сеном и деревом. Он быстро нашёл верёвку, цепь и крюк. Руки его работали сами – узлы, петли, натяжение. Тело знало, что делать, времени думать уже не осталось.

В дверь сарая постучали. Тук-тук-тук. Три ровных удара, лишённых жизни.

— Сопротивляться бесполезно.

Андрей распахнул дверь и накинул петлю на шею – не чтобы задушить, а чтобы повалить и зафиксировать. Быстро связал ему руки и ноги, воткнул в землю крюк и зафиксировал человека цепью, сделав так, чтобы тот не смог подняться.

Человек лежал и смотрел в небо. Абсолютно спокойно.

— Это не поможет, — сказал он.

— Это тебя задержит, большего мне и не нужно, — сказал Андрей. — Сейчас мне нужно только время.

Андрей постучал в дверь.

— Лея, это я.

Он услышал, как убрали засов, и дверь приоткрылась.

— Всё нормально, он связан. Как ты?

Свеча, стоявшая теперь на столе, не горела. Огонь так и оставался только в печи. Дима стоял посреди комнаты с каменным лицом, Кирилл прятался за его спиной. Дверь в их комнату была раскрыта – не выдержали, вышли.

— Вам же было велено сидеть в комнате!

— Мы слышали, — тихо сказал Дима. — Тот... он не человек?

Андрей закрыл дверь на засов и на секунду прислонился к ней спиной. Сердце билось так, словно хотело пробить рёбра.

— Не человек. Но может выглядеть человеком. И говорить как человек. Поэтому запомните – не открывайте двери никому, кроме меня или мамы. Никогда.

Дима кивнул, в его глазах не было страха. Было другое – желание понять и сделать самому. И это могло стать опаснее любого посланника умершей Империи.

Лея подошла к Андрею и обняла его, проверила, нет ли ран и крови, нет ли дрожи. От неё пахло домом и уютом.

— Магия совсем не отзывается, — сказала она. — Ты тоже её не чувствуешь?

— Нет, не чувствую, — ответил Андрей. — Они её глушат. Он сказал, что его послало к нам.

Лея напряглась.

— И что же?

— Гелиос...

Слово повисло в воздухе. Лея закрыла глаза. Андрей видел, как она мысленно перебирает то, что рассказывал ей он, что она узнала сама и что слышала от других.

— Но ведь Империю уничтожили. Разве Гелиос не должен был отключиться?

— Он отключался. Но кто-то вновь его включил, дал питание. И теперь...

— Что теперь? — в голосе Леи проступили стальные нотки.

— Теперь магию будут глушить. Это то оружие, что Империя не смогла применить в последней битве. Точнее, не успела применить, — Андрей тяжело вздохнул. — Теперь сражаться станет сложнее.

Кирилл вдруг подошёл ближе и взял Андрея за руку, но смотрел при этом малыш не на родителей, а куда-то в сторону.

— Он считает.

— Кто? — Лея наклонилась к сыну.

— Тот, — Кирилл кивнул в сторону двери. — Он стучит. Три раза. Потом пауза. Потом снова.

Андрей посмотрел на Лею. *[Давно это с Кириллом? От кого это?]*

— Послушай, сын, — Андрей присел, чтобы видеть глаза Кирилла. — Ты можешь сказать, когда пауза закончится и возобновится стук? Ты чувствуешь это?

Кирилл нахмурил своё детское личико. Потом тихо ска-

зал.

— Сейчас.

Андрей напряг свой слух и закрыл глаза. Услышал: «тук-тук-тук».

Дима вздрогнул и посмотрел на дверь, тоже что-то почувствовал.

— Андрей, что нам делать? Я не хочу, чтобы тот оставался рядом.

— Да, — Андрей выдохнул. — Но убивать его сейчас нельзя. Нужно получить информацию и потом действовать.

— И как ты собираешься её получить?

Андре задумался.

— Не думаю, что он что-то расскажет. Он марионетка Гелиоса. Но я знаю, кто может хоть что-то знать. И хочу его навестить.

— И кто же? Только не говори, что ты собрался к нему?

— Да, к нему. К генералу Корвину, — Андрей посмотрел в глаза Лее. — Я не вижу другого выбора.

Лея замерла, словно от удара.

Константин Корвин, бывший имперский генерал и отец Андрея, словно тень нависал над семьёй Андрея и Леи последние пять лет после того, как однажды заявился на порог с просьбой показать ему его внука. В тот раз оттащить Лею от новоявленного «дедушки» оказалось очень сложной задачей. В итоге Константин Корвин поселился на

приличном расстоянии от общины, а Андрей просто всячески избегал говорить на тему своего отца. В итоге, со временем, Лея смирилась и просто перестала обращать внимание на то, что где-то не очень далеко живёт человек, виновный в смерти её родителей.

— Андрей...

— Лея, — он взял её руки в свои. — Он знает про эти мощности. Должен знать. Знает, как они устроены и как их навсегда уничтожить. И, может быть, он знает людей, которые могли включить питание. Если мы просто будем сидеть и ждать — они снова придут. И тогда мы проиграем.

— Или это он сам и подал питание! — в глазах Леи разгоралась ярость.

— Нет, он не мог так поступить...

— А дети? А я? — Лея встала. — Андрей, у тебя есть семья! И твоя задача о нас заботиться! А не играть в войну!

— Я не уйду надолго. Я... — он хотел сказать «я обещаю», но такие обещания ломаются первыми. — Я сделаю всё, чтобы вернуться быстрее.

Лея смотрела на него, и Андрей видел в её глазах всё сразу — любовь, страх, злость, ответственность. И ещё понимание, что другого выбора у них нет.

— Значит, я иду с тобой.

— Нет, Лея, — резко сказал Андрей. — Ты ждёшь ребёнка. И детей нельзя оставлять одних.

— Андрей, это был не вопрос.

Он хотел возразить, но вдруг в их спор вмешался Дима.

— Я могу помогать. Я уже не маленький!

Андрей повернулся к сыну, и внутри у него что-то сжалось. Вот оно, вот эта точка, в которой война всегда побеждает – она заставляет детей говорить «я уже не маленький».

— Да, сын, ты будешь помогать, — сказал Андрей медленно. — Самым важным. Ты будешь старшим. Ты будешь слушать маму и заботиться о младшем брате, и... когда родится Анна – о ней тоже. Понимаешь?

Диме хотелось спорить, но он увидел лица родителей – и просто кивнул.

Кирилл снова прислушался.

— Он... перестал стучать. Совсем.

Новость оказалась хуже стука. Андрей подошёл к окну, посмотрел на улицу. У сарая никого не было... Андрей снял засов с двери и выбежал на улицу. Сарай стоял закрытым. Цепь и крюк были на месте, нетронутыми. Верёвки валялись на снегу так, словно связанный ими человек просто исчез. Только тёмная капля масла на снегу. И вмятина на месте, где должно было лежать тело.

Человек не ушёл. Он просто... перестал здесь быть.

Андрей медленно возвращался к дому. В груди поднималась холодная волна. На пороге стояла Лея.

— Он исчез.

— Значит, от них не спрятаться? Они могут появляться и

исчезать по желанию Гелиоса? — в голосе Леи звучала тревога. — Что же нам тогда делать?

Андрей пожал плечами, поднял глаза к небу. И впервые за семь лет почувствовал, что возвращается старое ощущение, которое он так старался оставить в прошлом, что мир — это не дом, а поле боя.

— Я сейчас же иду к генералу, — тихо произнёс Андрей, стараясь не смотреть на Лею. — Тебе нужно защитить наш дом, пока я не разберусь с этим.

Лея не стала задавать вопросов. Она лишь кивнула, оставаясь спокойной, во взгляде проступал страх, но и уверенность, что всё получится. Дима прятался за её спиной, его лицо было бледным, но глаза внимательными.

И Андрей понял — настоящая война началась. Но не там, где разбудили спавшие мощности разрушенной Империи. И не там, откуда раздавал указания Гелиос. Она началась здесь и сейчас. Потому что ему нужно уйти, оставив сына за старшего. Потому что он скажет ему «слушайся маму и береги брата», надеясь, что этого будет достаточно. Потому что сейчас он сам становится человеком, который уходит и оставляет своих любимых.

Андрей по очереди обнял Лею, Диму и Кирилла. Поцеловал всех в лоб. Оглядел дом и... вышел, на мгновения задержавшись на пороге, словно хотел запомнить каждую деталь и сохранить их в себе — тёплый свет и тепло печи, запах хлеба, лица своих мальчиков, Лею, держащую руку на животе.

— Я вернусь, — сказал он, и на этот раз не как обещание миру, а как клятву себе. — Я обязательно вернусь.

И шагнул в серую тишину вечера, где замёрзший снег не скрипел под ногами.

Глава 3. Кирилл слышит «тишину»

Ночь была какой-то... неправильной.

Дома никогда не было абсолютной тишины – что-то скрипело, в подвале шуршали мыши, ветер завывал в трубе и бил в окна и ставни. Всегда были какие-то фоновые звуки, которые по привычке называли тишиной. А сейчас звук раздавался только когда специально хотелось «прозвучать», и даже тогда он получался каким-то плоским, приглушенным.

Это сильно раздражало Лею и мешало ей уснуть. Она уже давно отказалась от своей подростковой привычки постоянно ходить с двумя парами ушей – человеческими и волчьими. Но сейчас волчьи уши вылезли сами собой, помимо её желания – искали хоть какой-то звук и своими движениями мешали погрузить голову в мягкую подушку и расслабиться.

— Да чтоб этот ваш чёртов Гелиос! – тихо прорычала Лея, стараясь не разбудить детей, и поднялась с постели. – Ну вот на кой нужно глушить все звуки!

Инстинкт хищника подсказывал Лее, что никакой опасности рядом нет и можно быть спокойной, но... что-то было совсем не нормально. Казалось, что тишина прислушивалась, втягивала в себя все звуки и считала.

Она обвела взглядом комнату – дети спали. Точнее, спал только Дима, а Кирилл лежал с открытыми глазами, его лицо выглядело напряженным.

— Кирилл, ты почему не спишь? – тихо спросила Лея, подойдя к сыну.

Мальчик ничего не ответил, он медленно сел в постели, посмотрел на свою маму и показал рукой на пол.

Лея закрыла глаза и сосредоточила все свои чувства и инстинкты, пытаясь почувствовать, понять, что происходит с миром вокруг её семьи. И тогда услышала... но не ушами, не как человек или волк. Это приходило откуда-то изнутри и извне одновременно. Тихие, еле различимые щелчки, которые, тем не менее, пронизывали и сотрясали мир.

Щёлк. Пауза. Щёлк, щёлк, щёлк. Пауза. Щёлк, щёлк...

Какой-то звук из реального мира отвлёк Лею, и она перестала слышать эти щелчки.

Кирилл осторожно, стараясь не производить шума, сполз с кровати, но случайно наступил на валявшуюся на полу игрушку. На несколько секунд замерев, он опустил на колени, а потом лёг на живот и прижал ухо к полу. Лея легла рядом и тоже прижала уши – человеческое и волчье – к полу, закрыла глаза и обратилась в слух. Ничего не услышав, она открыла глаза и посмотрела на сына.

— Кирилл, ты что-то слышишь?

— Он считает, — мальчик был спокоен и говорил так, будто объяснял очевидное.

По спине Леи пробежал холод. Порой Кирилл пугал её и Андрея своей недетскостью, и они не понимали, что с ним происходит и почему.

— Кто считает?

— Пол. Тот, кто под ним.

Лея поднялась с пола и села на кровать. Уняла охватившую её дрожь. Затем подняла Кирилла и посадила к себе на колени. Крепко обняла.

— Утром, сынок, мы идём в лесной домик. Тебе ведь нравится там, правда?

— Да, мам, — ответил Кирилл. — А папа скоро вернётся?

— Надеюсь, что скоро... — тихо произнесла Лея и ещё крепче обняла сына. — Очень надеюсь.

Две недели в лесном домике прошли без происшествий. Кирилл больше не слышал никакого счета и щелчков. Или он просто не говорил об этом маме, чтобы лишний раз её не волновать. Но однажды ночью...

— Мам, я снова слышу его... — мальчик стоял рядом с кроватью Леи и осторожно тряс её за плечо, стараясь разбудить.

Лея проснулась и сначала не поняла, что происходит. Она удивлённо посмотрела на сына, и ему пришлось повторить то, что он говорил.

— Но как? Тут ведь даже близко не было ничего, производимого Империей... — Лея была напугана, инстинкты хищника вопили о приближающейся опасности.

Теперь щелчки не были затеряны в тишине, они отчётливо различались, стоило лишь немного прислушаться к окру-

жающему шуму леса.

— Сынок, ты уверен, что это тот же самый счёт, что ты слышал в нашем доме? Может, это просто что-то в лесу?

— Нет, мам, это не из леса... Мне страшно... – Кирилл забрался на кровать и прижался к маме.

Лея обняла его и погладила по голове.

— Я рядом, я с тобой, ничего не бойся, малыш.

Но самой Лее было страшно. От Андрея не было никаких вестей, хотя до дома, в котором поселился генерал, было максимум день пути. Мысли о том, что с Андреем могло что-то случиться, не оставляли её ни на миг. Когда уходили, она оставила записку на кухонном столе и ещё попросила людей из совета передать Андрею, если они его встретят, что она с детьми в лесном домике.

— Они уже здесь. Рядом. Глубоко.

Щёлк, щёлк, щёлк. Пауза. Щёлк, щёлк, щёлк. Пауза.

— Кирилл, когда всё это началось, ты ведь слышал что-то другое?

— Да. Тогда был стук. Но теперь он щёлкает.

— Тебе кажется, это тот же, кто стучал?

— Да. Он ищет, считает, – лицо мальчика стало серьёзным. – И проверяет.

— Проверяет что, Кирилл?

— Тех, кто остался.

Лея напряглась.

— Кто остался где?

Кирилл поднял глаза и посмотрел на маму, в его глазах больше не было страха, но они казались ненастоящими, потому что блеска в них тоже уже не было.

— Внизу.

Пол дома был обычным, из брёвен, покрытых струганными досками. И под полом была просто земля. Здесь никогда не появлялась Империя со своими технологиями.

— Кирилл, но внизу никого нет.

— Есть.

Щёлк, щёлк, щёлк. Пауза.

— Он меняет... время. Когда я слушаю, он меняется.

Наблюдение. Реакция. Адаптация. Подчинение. Контроль.

Алгоритмы Гелиоса не просто собирали и обрабатывали данные, они обучались, перестраивались, корректировали паттерны своего поведения в реальном времени.

Во времена Империи алгоритмы взаимодействовали и управляли городскими системами, транспортными узлами, энергосетями. Обеспечивали функционирование инфраструктуры этого технократического монстра.

Но в лесу ничего из этого просто не было...

Ощущение времени у Леи сбилось, она не могла точно сказать, как долго она просидела так на кровати, крепко прижимая к себе сына.

— Мам, ты слышишь? Он боится.

— Боится?

— Да. Он не знает, сколько нас.

Сердце Леи забилося сильнее, хотя она не понимала причину этого.

— Кирилл, почему ты так думаешь?

— Он начинает сбиваться со счёта. И он теряет... ритм.

Если Дима рос обычным мальчиком для любого своего возраста, то Кирилл... Иногда родителям казалось, что в теле ребёнка функционирует очень взрослый мозг. А иногда они в этом были просто уверены... Он рано начал ходить и говорить, понимать сложные слова и использовать их в своей речи. А теперь ещё выяснилось, что он слышит то, что другим просто физически недоступно.

Когда дети появляются в семье мага с древнем зверем внутри и полукровки-вервульфа, получить их может всё, что угодно. Так их успокаивали старики, заставшие магическую эпоху.

Вот только никто не был уверен в правдивости такого заявления...

Лея неуверенно поднялась с кровати, а потом, подумав, села на пол и посадила рядом с собой Кирилла.

— Кирилл, помоги мне научиться слышать.

Мальчик задумался и, как всегда делал в такие моменты,

начал блуждать глазами по комнате.

— Я... не знаю, как. Я просто слышу.

— Ладно. Тогда давай попробуем услышать вместе.

Кирилл лёг на живот и прижался ухом к полу, закрыл глаза. Лея повторила все действия за ним. Поначалу ничего необычного слышно не было. А потом... Это нельзя было в полной мере назвать звуком. Повторилось то же ощущение, что она уже испытывала дома – как будто это было что-то, идущее одновременно изнутри и снаружи. Это было странное ощущение...

Щёлк, щёлк, щёлк, щёлк. Пауза. Щёлк. Пауза. Щёлк, щёлк, щёлк.

Ритм у щелкающего нечто и правда был потерян.

Это не было физическим воздействием, не было звуком или вибрацией. Скорее оно было похоже на ритмически повторяющуюся нагрузку на нервную систему, на восприятие мира. И сейчас этот ритм сбивался.

— Да, Кирилл, я слышала щелчки. Но почему ты решил, что он боится?

— Не знаю. Просто так показалось. Он начинает сбиваться, когда я слушаю.

— Почему?

— Он не думал, что его услышат. Я слышу не так, как другие. Я... – мальчик опустил голову и сжал руками колени.

По телу Леи прошла дрожь.

Ещё во времена активной работы сопротивления до Леи доходили слухи, что дети, рождённые после установления Империи, были более восприимчивы к электромагнитным и алгоритмическим структурам. Но никаких доказательств этому не было.

Сейчас доказательство такой теории сидело на полу рядом с Леей, уткнувшись своим детским личиком в колени.

— Что значит «не так», Кирилл?

Мальчик на мгновение задумался, подбирая слова.

— Все слышат звуки, шум. А я слышу тишину, как течёт порядок, — Кирилл вновь задумался. — Он считает не людей. Он считает сигналы.

— Какие сигналы?

— Меня. Он думает, что я его часть.

— Нет... — внутри Леи что-то оборвалось. — Почему?

Кирилл сидел на полу и гладил прохладные доски своей детской рукой, словно ласкал какое-то животное.

— Я родился тогда, когда он уже был везде.

Комната, да и весь лесной домик показались Лее тесными, начали давить на неё. «Если Гелиос видит в моём сыне узел... Если воспринимает его как часть системы, то...». Лея решила не додумывать свою мысль. «Нужно скорее связаться с Андреем! Даже если придётся терпеть его отца...».

— Кирилл, ты можешь перестать слушать?

— Нет, мам, он становится громче, если я не слушаю...

Щёлк-щёлк-щёлк-щёлк-щёлк-щёлк.

— Он ускоряется, — ребёнок зажал уши руками.

Лея замерла.

— Кирилл, встань с пола и заберись на кровать.

— Нельзя.

— Почему?!

— Потому что тогда он решит, что я... — он посмотрел в глаза Лее, и это не был взгляд ребёнка, в глазах Кирилла Лея увидела отражение системы. — Решит, что я лишний...

Волны сигналов распространялись от центра с большой скоростью и собирали колоссальные объёмы данных. Гелиос искал. Но пока в этом потоке собираемой информации ему не удалось найти искомое – ключ, который откроет ему дверь в новую реальность.

Оптимизация алгоритма поиска. Удаление избыточных элементов.

— Ты не лишний! – резко произнесла Лея.

— Для семьи – нет, – тихо сказал Кирилл. – Но он не семья.

По телу Леи прошла дрожь. Пол под ногами будто начал колыхаться и стал мягким. В висках появилось давление и боль.

— Мам, он спрашивает разрешение.

— Разрешение на что?

Кирилл дёрнулся, по его телу прошла мелкая дрожь, которая, казалось, передалась кровати, а после полу и всему дому. Эта волна распространилась и дальше, на весь лес, дошла до поселения и вышла далеко за его пределы, достигнув центрального ядра Гелиоса.

Сын лежал на руках матери и не подавал признаков жизни...

Мальчик переживал сейчас сложные ощущения – его сознание залил ослепительно белый свет. Ему казалось, что он оказался в огромной белой, идеально чистой комнате. В центре неё, на возвышающемся троне с тремя острыми окончаниями на спинке, сидело непонятное существо. Оно казалось живым и похожим на человека, но... оно не было человеком.

Существо, казалось, не замечало присутствия мальчика, пока тот не сделал шаг вперёд, раздавшийся громким громоподобным эхом. Существо, испугавшись, резко вскочило, раздался жуткий вой и механический скрежет.

Распространившейся осязаемой звуковой волной мальчика выбросило из этой жуткой белой комнаты, и он открыл глаза.

— Мама? – Кирилл открыл глаза и сделал глубокий вдох.
– Что со мной было?

Лею трясло, из глаз текли слезы. Её сын отсутствовал в

мире живых всего лишь несколько мгновений, но для неё это стало очень сильным ударом. От охватившего её ужаса она не могла вымолвить ни слова.

— Я был в большой белой комнате. Очень чистой. Там на троне сидел тот, кто считает. Он сначала не заметил меня. А потом, когда я шагнул к нему, услышал и испугался. Он громко закричал. Меня больно ударило. И я открыл глаза тут.

— Кирилл... мой маленький сыночек... за что тебе всё это... – голос Леи был тихим и сильно дрожал.

Тишина вновь разорвалась звуком. Но теперь он шёл не из-под пола. Он просто возникал внутри.

Щёлк, щёлк, щёлк, щёлк, щёлк, щёлк, щёлк.

Щелчки раздавались синхронно с биением маленького сердца.

— Мам, мне страшно, – Кирилл смотрел на Лею глазами, полными страха. – Но если я прикажу, он, наверное, уйдёт.

— Что ты сделаешь?

В широко раскрытых глазах Кирилла на мгновение вспыхнул белый свет.

— «Перерасчёт приоритета. Сброс контура. Остановка исполнения», – слова прозвучали очень чётко, механически. Так могли отдавать приказы технократы и машины.

Дом, да и весь мир вокруг, содрогнулся, но не физически. Это было внутреннее содрогание, вызванное остано-

кой очень глобального процесса. Тишина вокруг стала абсолютной. Казалось, это тянулось вечность. Но вот за окном раздался осторожный скрип кузнечика. Лесные жители начали осторожно присоединяться к хору жизни. И уже минут через десять из-за оглушительного хора лесных звуков не было ничего слышно. Весь живой мир радовался тому, что с него сняли душащую сеть контроля и подчинения.

Но где-то в глубине молодая мама, крепко обнимающая своего второго ребёнка и ждущая появление третьего, знала – оно, это пытающееся контролировать мир существо, никуда не делось, его просто на время отбросили на исходные рубежи. Отбросил маленький трёхлетний ребёнок, который почему-то родился с особым даром слышать тишину.

Ребёнок посмотрел на маму и тихо спросил: «Мам, а если он опять захочет вернуться?». И любящая мама ответила своему сыну: «Тогда, малыш, мы встретим его все вместе. И победим его все вместе. Просто помни, сынок, что ты не один».

В темноте ночи невидимые и неслышимые обычному глазу и уху волны энергии стремились вернуться к центру. Система нашла то, что искала, и именно поэтому отступила.

В базе данных появилась новая запись:

«Кирилл Корвин, внук генерала Константина Корвина, сын мага-предателя Андрея Корвина».

Глава 4. Механическая улыбка

Утро наступило слишком быстро, будто мир перешагнул через ночь, не дав той достаточно времени. Лея почти не спала. Тревога разъедала душу, спокойную сельскую жизнь, которую Лея и Андрей с таким трудом выстроили вокруг себя.

Кирилл спал беспокойно, постоянно ворочался. В нём ощущалось сильное чувство страха, который мог забрать и не отпустить. Он боялся стать как те, кто больше не был полностью живым.

— Мам, когда мы домой вернёмся? Здесь скучно... — Дима уже проснулся и стоял босой рядом с креслом, в котором сидела Лея, держа на руках спящего Кирилла.

— Сегодня вернёмся, сынок. Может, и папа уже дома, ждёт нас. Вот только Кирилл выспится, и начнём собираться.

— Лея и сама всю бессонную короткую ночь думала о том, что было бы совсем не плохо вернуться домой.

Старший сын улыбнулся.

— Я тогда начну собирать вещи?

— Да, начинай. И упакуй вещи Кирилла заодно.

— Ладно.

Вечером семья вернулась в свой дом. Записка о том, что они ушли в лесной домик, всё так же лежала на столе. Отец семейства всё ещё не возвращался.

Наполненные тревогой молодая мать и двое детей легли спать. Ночь прошла без происшествий.

Дом был наполнен тишиной, густой и вязкой, будто во сне, в котором уже что-то произошло, но память отказывалась вспоминать, что именно.

Лея, осторожно ступая, чтобы не сильно скрипеть половицами, вошла на кухню. Утренний свет за окном был бледным, почти мёртвым, как отражение в озере, в котором давно не осталось ни одной живой рыбы. Улица выглядела мирной, но она стала другой – вроде бы и знакомое место, в котором прожили семь лет, но... какое-то изменившееся, в своей глубокой сути. Появлялось ощущение, что на такой улице никто не может жить по-настоящему, что она заполнена временными пришлыми, которые через мгновение могут исчезнуть и потому не заботятся о том, где они сейчас.

И было слишком тихо...

Лея стояла у окна и, замерев, смотрела на улицу. Вчера вечером, когда она с детьми вернулась домой, было уже темно, и изменений она не заметила. Зато теперь они все навалились разом и выбили из повседневной колеи.

Дом, стоявший напротив, пустовал уже больше года, его занимали два брата. Однажды морозной зимней ночью они куда-то молча и незаметно ушли и больше не появлялись.

Но сейчас, сквозь большие открытые окна, в этом доме

Лея заметила движение двух теней.

— Неужели они вернулись? Андрей точно будет рад! Нужно зайти к ним, поведать... — Лее очень хотелось увидеть старых друзей, но что-то её останавливало.

Пытаясь отогнать от себя чувство тревоги, Лея вышла на улицу и пошла к дому братьев. Навстречу ей вышел незнакомый мужчина среднего роста, крепкого телосложения, тёмные волнистые волосы на голове и ухоженная борода, на вид ему было около сорока лет. Он стоял на крыльце перед открытой дверью и пристально смотрел на приближающуюся Лею. На его лице была застывшая ровная улыбка.

Мужчина поднял руку и помахал Лее, приветствуя её. Его движения напоминали движения робота, казалось, что им управлял алгоритм – движения были вымерены и слишком правильные.

Лея остановилась. Улыбнулась незнакомцу, потом осторожно посмотрела назад, на окна своего дома – дети уже проснулись и выглядывали из окна. «Сколько же времени прошло?» — подумала Лея.

Когда Лея вновь повернула голову к бывшему дому братьев, мужчины на крыльце уже не было, но дверь оставалась открытой, будто приглашая войти внутрь.

Воздух был сухим и холодным. Подойдя к крыльцу, Лея ощутила очень сильное желание обернуться волком и напасть, но смогла сдержать свои инстинкты хищника. Внутри дома царил полумрак, но можно было рассмотреть обста-

новку — дом стоял без хозяев год, и это не только ощущалось по застоявшемуся воздуху и накопившейся пыли, дом будто кричал и звал на помощь. И при всём этом в воздухе ощущался запах озоновой свежести, как после очень сильной грозы.

— Здравствуйте, — прозвучал незнакомый голос, он был приятным, но было ощущение, что этот голос не принадлежит живому существу.

Из глубины комнаты вышла женщина. Она всем походила на того мужчину, что стоял на крыльце, такие же механические, вымеренные движения, такая же идеальная, ровная улыбка. По спине Леи пробежали мурашки, и хищник внутри неё завопил об опасности.

— Доброе утро, — ответила Лея, еле удерживая себя от обращения в волка. — Вы новые жильцы?

— Временные.

Женщина улыбнулась. Её лицо было красивым, длинные светлые волосы аккуратно уложены, тёмно-серое платье, на вид ей было около сорока — ровесница того странного мужчины.

— Я рада новым соседям, — улыбнулась Лея. — Вы недавно приехали?

— Да, мы приехали вчера.

— Если не секрет, то откуда?

Секундная пауза. Лее показалось, что в глазах женщины вспыхнули зелёные огоньки.

— Из города.

— Города?

— Да, из центрального города.

«Интересно. И где же это у нас остались города? Ну почему Андрея нет, когда он так нужен? И где вообще все жители? Где Совет???» — Лее стоило всё больше усилий сдерживать себя.

— Раньше в этом доме жили мои друзья.

— Теперь тут живём мы, — голос женщины все больше становился похожим на механический.

Из кухни вышел мужчина.

— Марина.

— Николай, у нас гостя из дома напротив.

Женщина повернулась к мужчине. Лее показалось, что та просто повернулась вокруг оси, не совершив при этом никаких нормальных движений.

— Вам кто-то рекомендовал наше поселение?

— Да, — пауза несколько секунд. — Нас сюда направила система.

Слово «система» прозвучало очень буднично, но Лея немного попятилась назад.

— Какая система?

— Общая.

Мужчина и женщина, Николай и Марина, если их правда так когда-то звали, стояли ровно, как два идеальных предмета интерьера. Вот только в этом доме они были лишними. Их

речь, ответы были без подтекста, без какой-либо реакции на Лею. Каждая произносимая фраза — сгенерированный Гелиосом ответ.

— Вы давно вместе?

Марина посмотрела на Николая.

— Пять лет.

— Где познакомились?

— В сети.

— Ладно. А где именно в сети?

— В рекомендательном канале.

— А ваши родители? Дети?

— Неактуально, — сказал Николай.

Слова походили на команды и ответы, которые дают машины.

— Что вы имеете в виду?

— Оптимизация семейной структуры уже завершена. Понятия родителей и детей больше неактуальны.

Глаза их смотрели прямо на Лею, будто изучая её и пытаясь считать что-то внутри. Теперь Лея была уверена, что видела в их глазах проблески зелёных вспышек. Это не было имплантом. Происхождение этого зелёного света было гораздо глубже — замещение сознания. Полное замещение и подчинение алгоритму.

— Вас прислали за моим сыном? — в голосе Леи прозвучала угроза.

Марина и Николай синхронно моргнули.

— Нет.

— Тогда зачем вы тут?

— Наблюдаем.

По телу Леи прошла мелкая дрожь.

— Не смейте к нам приближаться. Не смейте трогать моих сыновей!

— Несущественно.

Волк внутри Леи взвыл.

— Вы помните, кем были до того, как вам промыли мозги?

Николай улыбнулся.

— Это не важно. Мы стали эффективными.

— Эффективными, — как эхо повторила Марина.

Лея отошла к порогу двери и взялась рукой за косяк.

— Вам лучше уйти, — сказала Марина. — Ваше присутствие вызывает коррекцию.

— Чью?

— Нашу.

— И что будет, если я не уйду?

Николай сделал два быстрых шага и почти вплотную приблизился к Лее.

— Будет инициирована синхронизация.

Лея сделала шаг назад и вышла на крыльцо. Внутри кипела первобытная хищная ярость. Но она, несмотря на все инстинкты, видела перед собой двух людей. Не врагов. Просто им не повезло, и они стали рабами системы. Рабами Гелиоса.

Отголосками разрушенной Империи.

— Вам не больно?

Марина чуть наклонила голову.

— Боль неэффективна.

— А любовь?

Пауза. Долгая пауза, и много очень коротких зелёных вспышек в глазах.

— Категория устарела, — абсолютно механическим голосом произнёс Николай.

Он положил ладонь на плечо Марине. В этот момент Лея показало, что она увидела проходящую сквозь них трещину. Но видение продлилось менее мгновения и потом исчезло, не оставив после себя даже намёка на своё присутствие.

— Вам пора уходить, — сказал он прежним мягким голосом.

Через мгновение дверь захлопнулась, хотя к ней никто не прикасался.

Отражённый снегом свет солнца ослеплял. Поднялся ветер, он пролетал улицу, поднимая лёгкие снежинки с дороги. Лея медленно развернулась и пошла к своему дому, туда, где её ждали, уткнувшись носами в стекло окна, два сына.

Когда Лея вошла домой, к ней подбежал Кирилл и обнял за ноги, подняв своё детское личико вверх.

— Они плохие? – спросил он.

Лея отцепила маленькие ладони от своих ног и прошла в

кухню. Ей хотелось согреться у живого огня.

— Нет, Кирилл, они не плохие. Просто у них отняли их сущность.

— Кто? Тот же, кто считает?

— Да, — Лея была шокирована увиденным, а потому не сразу заметила, что сказал ей сын. — Ты снова слышишь?

— Нет. Он молчит.

Дима продолжал стоять у окна, но он больше не смотрел на улицу, он смотрел на маму и своего младшего брата.

— Мам, давай лучше завтракать, — сухо сказал Дима, ему не очень нравилось, что всё внимание получает Кирилл. А ещё он не совсем понимал, что происходит. И не верил рассказам Кирилла о том, что тот что-то слышит.

— Да, сынок, скоро мы будем завтракать. А потом придумаем, что делать дальше и где нам искать нашего папу, — Лея вздохнула и принялась готовить завтрак.

«Да, и где же нам искать Андрея...» — чувства Леи сложно было назвать позитивными.

Лея подняла взгляд от плиты и посмотрела в окно, на дом напротив, в котором поселились эти два соглядатая, присланные Гелиосом следить за её семьёй и сыном. На крыльце стоял Николай и улыбался своей идеальной улыбкой. Лее показалось, что он видит то, что происходит в её доме, видит, что она смотрит на него, потому что он поднял руку и помахал ей.

«Страшно, когда у тебя душу заменяет алгоритм. Не хо-

тела бы я ещё раз с ними сталкиваться... Андрей, вернись уже! Даже если со своим отцом... Он хотя бы человек, пусть и убийца...» - Лее не было спокойно, она не понимала, почему Андрей так сильно задерживается, и боялась, что с ним что-то случилось, но бросить детей или тащить их с собой на поиски... Нет. У неё есть обязательства. В том числе перед Андреем. Её задача – сохранить семью. Защитить от угроз. А войной пусть занимается тот, кому она нравится...

Мир переписывал себя. Постепенно, но планомерно. И впервые за последние семь лет, которые прошли после победы над Империей, семь лет мирной жизни, молодая мать, полукровка человека и вервульфа, не знала, что и как ей нужно делать дальше, чтобы сохранить то, что стало дорогим. Тех, кто стал для неё дороже её собственной жизни. Чтобы сохранить себя и выстоять в борьбе с системой. Ещё раз победить Империю.

Но она чувствовала, что главное – оставаться живой, той, в которой ещё остаётся боль, страх и любовь.

Тогда, может быть, что-то получится.

Тогда будет выбор.

И она знала, какой выбор она сделает.

Ночь вернулась не как время для отдыха, а как перерыв между пакетами данных, передаваемых в системе.

Кирилл спал, но его сон был нервным, дёрганым. Андрей

называл такие сны кошмарами. Хотя настоящими кошмарами они не были. Просто во время таких ночей сознание ребёнка подвергалось атаке системы. Но никто этого не знал и не понимал.

Дыхание мальчика было неровным, неритмичным. Это казалось Лее лучшим доказательством того, что над её сыном ещё не получила власть система. Её казалось, что пока есть силы нарушать алгоритм – они живы, они свободны.

Лея сидела у окна. Лунный свет резал пространство зимней ночи на чёрно-белые слои. В трубе завывал ветер, но деревья стояли неподвижно. Было чувство, что мир слушает себя и пытается понять, что с ним происходит, найти и удалить нарушающие записи. Только не было до конца ясно, кого мир посчитает такими записями...

На улице было безлюдно. Как было и весь прошедший день. Казалось, что в их мирном и дружном поселении не осталось никого, кроме вернувшейся семьи Леи и тех двух новых наблюдателей от Гелиоса. В окне спальни в доме напротив мерцал свет, как будто сообщающая: «Мы тут, мы следим за вами».

Лея знала — они не спят. Машинам, в отличие от живых существ, отдых не нужен. Системе отдых не нужен, она тогда может стать уязвимой и слабой.

Лее вспомнилась женщина, Марина, её мягкий изгиб губ, который пытался стать улыбкой, и тот крошечный сбой в лице, крошечное, но вместе с тем очень человеческое «нет»,

мелькнувшее в ответ на прикосновение Николая. Возможно, что она всё ещё там, её душа, прячется где-то под слоями кода, слоями инструкций и замещённой воли. Маленькая искра, которую не удалось погасить полностью.

Лея закрыла глаза и попыталась представить, как это — жить вот так, с осознанием того, что твои слова и действия больше не принадлежат тебе, а диктуются инородным искусственным разумом. Как это — быть живой оболочкой, в которой не осталось ничего живого.

Ощувив ужас всего этого, она чуть не вскрикнула и открыла глаза. Дома было всё спокойно. Дети спали в своих постелях, только Кирилл ворочался и что-то тихо бормотал. Прислушавшись к нему, Лея вздохнула спокойно — сын ничего не считал.

В тёмном стекле окна Лее почудились два отражения — её и Андрея, отражения того времени, когда они были ещё подростками и Империя не была повержена. Какими они были неритмичными, несовершенными. Но зато они были настоящими. Лея провела рукой по стеклу, видение пропало.

Она подошла к кроватям детей и получше укрыла их одеялами, поцеловала.

— Спице крепко, мои мальчики. Я никому не позволю забрать ваши души.

В окнах пустых домов поселения начал мигать свет. Одно окно. Второе. Третье. Ряды домов начали вспыхивать све-

том и гаснутъ. Ровно. Синхронно. Как код, который кто-то передавал.

Пустые дома, захваченные системой, общались между собой. Им не требовалось слов или каких-то других символов. Просто вспышки света.

Окна домов вспыхивали. И где-то внутри системы происходило что-то необратимое.

Лея стояла на крыльце своего дома и смотрела на эту безмолвную игру света. Она пыталась услышать тишину между вспышками. С каждым новым циклом тишина становилась заметнее, более тяжёлой, тянущейся.

Она была не в силах помешать этому. Пока не в силах.

Вернувшись домой, Лея записала в своём дневнике следующее: «*Пусть они зовут эти процессы оптимизацией. Пусть. Но я выбираю ошибку. И пока я могу допускать ошибки – я жива*».

Чернила растеклись по бумаге.

За окном начиналось утро, появились первые лучи солнца. Но Лея знала – тьма не ушла, она просто научилась использовать свет. И где-то внутри неё, между страхом и тишиной, появилось новое чувство. Оно говорило о том, что мир можно переписать под себя. Но только тогда, когда в твоих живых руках лежит живое перо.

На холме у края поселения появился одинокий путник. Он

с улыбкой смотрел вперёд.

— Как же я хочу есть! Надеюсь, Лея уже приготовила завтрак!

Путник возвращался домой.

Глава 5. Пульс энергии

— Что-то ты не сильно торопился вернуться к нам, муженёк! – Лея никогда не кричала на Андрея или на детей, когда она сердилась, она говорила, но в этом голосе звенел металл, та самая натянутая струна, что готова лопнуть от одного лишь дыхания. Она стояла у кухонного стола и сжимала в руках полотенце с такой силой, что костяшки её пальцев побелели, напоминая отполированные камни. – Ну что, встретился со своим генералом, нашёл того, кто знает, как всё устроено?

Андрей стоял, замерев на пороге. Его уже ставшая привычной, немного глупая улыбка, которая с момента их знакомства служила безотказным разрядником напряжения, сейчас выглядела как нелепая маска, надетая на лицо мертвеца. Он медленно закрыл за собой дверь, словно пытаясь отсечь внешний мир, но холод – такой липкий и тревожный – всё равно просочился вместе с ним внутрь.

— Лея, прости... - он сделал шаг вперёд, но она отступила. Движения Леи были быстрыми, по-звериному точными. – Я правда слишком сильно задержался. Там... Всё оказалось гораздо сложнее, чем мы могли ожидать даже в самых ужасных кошмарах. Ты не понимаешь, во что мы на этот раз влипли...

— Я не понимаю? – Лея перебила его, хищно оскалив-

шись. В глубине её зрачков, на долю секунды, полыхнуло пламя её красной ярости. – Так давай же, объясни! И что же, по-твоему, я не понимаю?!

Почти на минуту в доме повисла тишина. Андрей, тяжело вздохнув, снял зимнюю одежду и направился к столу.

— Завтрак уже был или пока ещё нет?

— Мне вот просто интересно, Андрей, что должно в мире произойти, чтобы ты перестал хоть на миг думать о еде. – Лея улыбнулась. – Завтрака ещё не было, но на тебя я не готовила, так что подождёшь обеда.

— Беру пример с тебя, любимая, - Андрей чувствовал, что его тело готово упасть от усталости, плечи свело, казалось, его прижимает к земле невидимым грузом. Его руки чуть дрожали, когда он доставал хлеб, масло и копчёное мясо. – Я всё ещё прекрасно помню, как мы с тобой познакомились и что ты обещала тогда со мной сделать. Знаешь, мне на завтрак вполне хватит сэндвичей и кофе. *[Ну вот почему генераторы еды перестали работать! Кому они мешали?!]*

Лея ничего не ответила, она тоже помнила, как она встретила Андрея. И порой задавала себе вопрос, чтобы произошло, если бы она его присутствие в том заброшенном складе внутри оболочки просто проигнорировала или убила? Но такие рассуждения всегда приводили к одному – её бы тогда самой здесь не было.

Они собирали завтрак в тишине. Потом Лея разбудила детей. Дима вышел хмурым, он не любил просыпаться рано

утром. Кирилл же... двигался как привидение, словно боялся, что малейшее неосторожное движение приведёт к разрушению реальности.

— Папа, - Дима сел за стол, не дожидаясь приглашения. – Почему тебя так долго не было? Нам было страшно. Маме было страшно!

— Дима... - Кирилл взял брата за руку, но тот дёрнулся, как от удара.

— Что? Мама дрожала! Я видел! Но она никогда и ничего не боится! – Дима зло посмотрел на своего отца. – Почему ты оставил нас без защиты?

Лея тяжело опустилась на табурет. Она посмотрела на Андрея, и в этом взгляде было столько боли, накопленной за все дни отсутствия Андрея, что он невольно опустил глаза.

— Он прав, Андрей, - голос Леи окреп, став холодным и ровным, как лёд в глубоком озере. – Ты не представляешь, что это за чувство, собирать вещи в доме, который ты считал крепостью, осознавая, что... что ты в этой крепости больше не можешь спастись. Что дом стал зоной отчуждения. Что весь мир стал такой зоной отчуждения. Я не знаю, как это объяснить тебе... Это похоже на состояние, когда ты чувствуешь приближение грозы, хотя даже небо ещё не знает, что скоро его закроют грозовые тучи.

Андрей слушал, затаив дыхание. Он чувствовал, даже знал, что самое страшное будет впереди.

— Мы вышли из дома около полудня, – продолжила она.

– Собирать вещи было на удивление просто, словно мы отправлялись просто на пикник в лес, а не прятались от чего-то, что угрожает нам, не сбегали из зоны, которая стала слишком опасной. Немного еды, вода, аптечка... Кирилл продолжал молчать. Это было слишком тихое молчание, Андрей. Не детское. Он больше не прикладывал ухо к полу, как в ту ночь, но я видела – он слушает. Что-то, что звучит гораздо глубже. То, что нельзя услышать ушами.

— *{Нам нужно пространство. Много. Открытое}*, – вдруг голос Кирилла прозвучал в голове Андрея.

Чистый и сильный телепатический посыл младшего сына ударил Андрея прямо в виски, заставив сжать зубы от боли. Андрей с ужасом посмотрел на Кирилла, потом перевёл взгляд на Лею.

— Ты сейчас это слышала? *{Кирилл, давно у тебя такие способности?}*

— Слышала что, Андрей? – Лея посмотрела на Андрея.
– Что с тобой?

— *{Нет, пап, с момента, когда я начал слышать тишину.}*

— Кирилл... обладает не только даром слышать тишину, *[чтобы это не значило]*, но ещё и даром телепатии.

В доме воцарилась абсолютная тишина.

— Знаешь... наверное, я не удивлена. Точнее, не слишком сильно удивлена. Это многое объясняет. – Лея повернулась к Кириллу. – Послушай, сынок, не пользуйся пока сво-

ими умениями, обещаешь? Это очень сложная магия и она требует очень много ресурсов. Ты ещё слишком маленький.

Кирилл кивнул.

— Так, на чём я остановилась?

— На том, что спросила, что я хочу на завтрак, - Андрей улыбнулся.

— Я никогда такого спросить не могла, Андрей. Ах да, точно. Вспомнила, - Лея поставила перед Андреем тарелку с тремя сэндвичами. – Вот твой завтрак. Продолжу после того, как поедем. Всем приятного аппетита.

Семья наконец-то приступила к завтраку.

— Мы пошли к лесу не прямой дорогой, а дальней. Я хотела зайти к Марте, попросить её присмотреть за нашим домом. Но её не застала. Дальше мы пошли через поле. Ты, уходя, его вряд ли проходил. Да и возвращаясь тоже. Так вот – на нем нет снега. Везде есть – а на поле нет. И такое чувство, что никогда и не было. Вот только оно не такое, каким ты его можешь помнить – оно сейчас изломано камнями, будто земля пыталась выдавить наружу свои кости... Когда мы шли по старой дороге, нас окликнули.

— Кто?

— Старуха. Травница. Думаю, ты её помнишь. Она жила здесь неподалёку, когда поселение ещё только строилось. Я думала, что она уже давно померла, потому что дом её опустел одним из первых и там никто не появлялся. Но нет, -

Лея долила себе в кружку ещё травяного чая. – Она сидела под навесом возле дома, окружённая банками с какой-то мутной жидкостью и сушёными кореньями. Когда мы приблизились, она посмотрела на меня так, будто прочитала всю мою жизнь. А потом сказала, своим хриплым и дребезжащим голосом: «Я знаю, кем ты не хочешь быть». И в этих словах чувствовался такой яд, Андрей... Она указала своей клюкой на дальний конец своего огорода, на груды камней. «Старое место. До Империи. До Гелиоса», - Лея попробовала повторить голос старухи, но у неё это не очень получилось.

— Она знает, что там был источник? Откуда? – голос Андрея стал едва различимым шёпотом.

— Видимо. Она жила тут задолго до нас, Андрей. И даже задолго до рождения твоего отца. А может быть и твоего деда.

— На да, ты права... А что ещё она сказала?

— «Сила. Энергия». Для неё это одно и то же. Но для меня это слово – энергия – прозвучало как приговор. Будто кто-то провёл железом по стеклу. Понимаешь, это слишком удобное слово. Оно прикрывает чужую власть. Ещё она сказала, что под этим полем был запечатан источник. И было чувство, что для неё слово «Источник» пишется с заглавной буквы. Что он был одним из первых, от которых питалась Империя. Что это было то место, где впервые запустили Гелиос. Понимаешь, в каком месте мы поселились? Или ты знал это?

Андрей почувствовал, как его сердце пропустило очередной удар.

— Нет. Таких подробностей я не знал. Но Ардан рассказывал, что тут было место великой Силы.

— Понятно, - Лея на минуту замолчала. – Я хотела не верить. Я пыталась доказать себе, что это просто старая женщина, выжившая из ума. Но потом Кирилл сказал: «Он пульсирует». Тогда вариантов не верить просто не осталось. Мы прошли дальше, дорога вела как-раз мимо той груды камней. Я коснулась ладонью камня. Он был тёплым, Андрей. Но это было тепло не от солнца – оно шло изнутри. А потом я положила ладонь на землю между камнями – и тогда меня ударило электричеством. Не магией, не древней энергией. А чистой технологией. Но оно было глубже, древнее. Возможно, что древнее всего в этом мире. Но оно проходило по сети, которая проложена под травой и камнями. И эта сеть ждала, когда её включат.

Лея сделала паузу, чтобы перевести дыхание и допить чай. Её глаза, обычно такие ясные, сейчас казались тёмными, отражением той глубочайшей бездны ужаса, в которую ей пришлось заглянуть.

— Потом я увидела линии, - тихо произнесла Лея. Светлые, чёткие линии, проступающие сквозь почву. Они не были хаотичными, как линии магии. Они были идеально ровными, очень математическими. Это не были линии ритуалов, Андрей. Это был интерфейс. А когда я подняла глаза от этих

линий, я увидела... Кирилл стоял в центре круга из них...

— Ты позволила ему там стоять?! – в голосе Андрея смешались ужас и ярость.

— Я не могла его вытащить! Я даже приблизиться не могла – меня не пускал круг, вокруг него! И потом он сказал, что источник его не обидит, что он не станет действовать против наследника Корвина. А старуха, появившаяся за спиной, проскрежетала: «Источник различает». Круг светился серым, холодным ровным светом. Напоминал панели приборов, которые ждут своего оператора, чтобы тот ввёл команды к запуску разрушения... Потом круг ушёл в землю и... я шагнула к Кириллу. И это, Андрей, было самое страшное, что я переживала в жизни....

— Почему?

— Потому что я почувствовала, как хищник внутри меня, моё глубинное нутро, древнее – откликнулось на этот источник... Гелиос не создавал энергию. Твой отец и дядя не создавали энергию. Они просто нашли способ её подчинить, переписать. Они упаковали древнюю энергию земли в жёсткий математический алгоритм. В процедуру, и запустили её в цикл на выполнение. Старуха прошептала тогда за моей спиной: «Старые места стали батареями».

Андрей закрыл лицо руками. Сильно надавил большими пальцами на виски. Он физически чувствовал боль от того, как мир, который они так долго и упорно строили – их дом, их поселение, их спокойствие – всё это разрушается. И раз-

рушается прямо сейчас.

— Подожди, это ещё не всё, - голос Леи дрожал. – Потом круг опять появился. Заметил меня и начал вибрировать. Меня выкинуло из него... Механический голос прозвучало: «Активация. Процедура завершена». Кто-то включил всю эту сеть. Цепи замкнулись. И замкнулись они на нас, Андрей. Свет от круга начал расходиться всё шире, пока всё поле не вспыхнуло ярким светом.

Лея тяжело вздохнула и вновь наполнила свою чашку травяным чаем. Андрей и оба сына заворожённо смотрели на неё.

— Мы все отключились. Сколько мы были без сознания не знаю, но не думаю, что долго. Потому что даже не успели замёрзнуть. Дети об этом происшествии забыли. А я нет, не забыла, - Лея внимательно посмотрела в глаза Андрея. – Теперь ты понимаешь, почему я злилась? Ты спокойно ушёл к своему отцу искать ответы, когда ответы находятся у нас под ногами! Они тут! – Лея махнула рукой в сторону окна. – Мы не просто семья, Андрей! Гелиос сделал нас своей целью! И он уже нашёл нас, он нашёл, что искал! Для него мы ключевой улез, который нужно переписать или удалить! Ты ведь тоже слышишь этот гул в ушах? Этот мир начинает вибрировать, готовясь к чему-то, чего мы пока не можем контролировать. Да что там контролировать – даже понять этого всего не можем!

Андрей медленно поднялся и подошёл к окну, опёрся ку-

лаками о подоконник. Он смотрел на улицу, которую успел полюбить и уже считал родной. Но поселение, которое на первый взгляд выглядело таким мирным, таким привычным, сильно изменилось. Теперь он видел каждую трещинку, каждую неровность и шероховатость как часть огромной, скрытой схемы.

— Что нам делать, Лея? - спросил он не оборачиваясь. – Если это сеть, то она везде.

— Я знаю, - ответила она, вставая из-за стола и подходя к нему. – Именно поэтому мы больше не будем убегать. Мы будем учиться с ней работать. И ломаем её изнутри. У Кирилла есть дар слышать их тишину. Система считает нас ошибкой – значит нам стоит стать самой опасной ошибкой, которую они даже представить себе не могут.

— Ты хочешь снова бороться? Использовать дар Кирилла?

— Я хочу, чтобы наши дети выжили. Чтобы у нашей Анны было будущее, в которое не страшно прийти. И в котором не страшно жить. И если для достижения этого будущего мне придётся научиться говорить на языке машин – я буду на нём говорить. И ты будешь на нём говорить. Гелиос стремится к порядку и оптимизации. Пусть так. Я буду стремиться к хаосу. Я стану ошибкой для этой системы. Потому что пока я могу совершать ошибки – я жива.

Она обняла Андрея, прижалась к его спине. Он почувствовал, как по ней ему передаётся её тепло. Но и ещё он

почувствовал, как вместе с этим теплом, ему передаётся и её холодная решимость действовать.

— Андрей, - сказала Лея почти шёпотом. – Посмотри на дом напротив. Ты помнишь братьев? Мне их порой очень не хватает... Теперь там больше нет жизни. Туда поселили два алгоритма в оболочках из кожи. И они наблюдают. С каждой секундой они обучаются новому. С каждой секундой подбираются ближе.

Андрей посмотрел на дом, в котором раньше жили его друзья. В окне дома мерцал свет, холодный, отражающий ритм алгоритма.

— Значит, у нас почти не осталось времени, - заключил он.

— Времени уже совсем нет, - ответила Лея. – Но у нас есть ты, есть я. Есть наши дети. Есть способность Кирилла слышать тишину и распознавать Гелиоса. Но мы больше не можем играть в мирную жизнь. Война вернулась и стоит у нас на пороге. И сейчас, Андрей, она уже не отступит, пока не выжжет нас дотла. Но я не дам её это сделать. Во мне половина крови вервульфа. В тебе живёт древний Волк. В нас обоих живут звери, которые не признают порядок и не подчиняются алгоритмам. И мы докажем им, что есть вещи, которые невозможно просчитать.

В доме исчез свет... Во всём мире на мгновение исчез свет...

Свеча, стоявшая на столе, моргнула, её пламя неестественно вытянулось и стало острым, а затем замерло, будто само время решило притормозить перед неизбежным...

— Ну вот и началось, - прошептала Лея.

Андрей развернулся и прижал её к себе, чувствуя, как она дрожит. Но эта дрожь была не от страха. Это было напряжение, рвущееся в борьбу.

В их доме, этом маленьком уютном пространстве, теперь поселилась тишина – та самая тишина, которую слышал Кирилл. И в этой тишине они оба поняли, что старый мир окончательно умер. А новый только что объявил на них охоту.

— Мы будем сражаться, - сказал Андрей, глядя на своих двух сыновей, сидящих за столом. – И сражаться не за Империи. Не за магию. Не за идею. Мы будем сражаться за право быть несовершенными.

Лея кивнула и ещё крепче прижалась к нему.

Где-то далеко, за пределами их зрения, внутри огромной холодной машины, промелькнула искра. Появилась новая запись в базе данных о том, что возникла новая угроза. И эту угрозу необходимо ликвидировать.

Но они были готовы. Потому что пока они все вместе, пока они чувствуют боль и страх, пока по их жилам течёт живая кровь – они будут бороться. Даже если останутся последними живыми людьми во всей Вселенной.

— Так, дети, завтрак окончен, - Лея отстранилась от Ан-

дряя и посмотрела на детей. – Начинается работа. Серьёзная работа. И вы должны мне помочь.

Она взяла свой дневник со стола, чернила, после последних утренних записей, ещё не успели полностью высохнуть. Лея добавила только одну новую строку: «Ошибка – это единственный способ сохранить человечность».

Мир за окном по-прежнему казался тихим и мирным. Но теперь Андрей и Лея понимали, что стоит за этой тишиной – тиканье системы, шаги алгоритма, пульс Гелиоса. А ещё – их ожидания и надежды, вера в будущее для своих детей. И они были готовы встретиться с новыми угрозами лицом к лицу, какими бы страшными они не были.

Андрей подошёл к шкафу, в котором хранил своё старое снаряжение – то самое, с которым он сражался с Империей своего дяди. Он вытащил из кожаных ножен свой охотничий нож – лезвие сверкнуло в утреннем свете.

— Пришло время проверить, насколько эффективен их порядок, - сказал он и, впервые за долгое время, Лея увидела в его глазах не любовь, а отблески магического пламени и того, древнего Волка, который жил внутри её любимого.

Охота началась. Но они не собирались становиться добычей. Они собирались стать самой главной проблемой для алгоритмов Гелиоса. И они начали готовиться к новой реальности. К реальности, в которой каждый звук были сигналом, а каждый вздох – борьбой за право оставаться сами

собой.

В мире, в котором система стремилась к установлению идеала, они выбрали быть ошибкой. И эта ошибка должна была стать последней для системы.